

ВЫЖИВАТЬ, ЧТОБЫ СРАЖАТЬСЯ

Я не храню /фамильные брильянты,
В шкафу — кусок солдатского сукна,
А в нем свинец из старой страшной раны
И не остывшие от боя ордена.

ЕЩЕ чуть-чуть, и дрогнет и под обстрелом десятков орудий продолжалась полтора месяца. И под обстрелом десятков орудий продолжалась полтора месяца. И под обстрелом десятков орудий продолжалась полтора месяца.

Один из плацдармов начала Великой Отечественной — полуостров Ханко, или Гангут. Если сегодня на любом участке этого полуострова вырыть яму по шагу в длину, ширину, глубину, можно извлечь из нее до килограмма пуль, осколков снарядов и мин. Трудно представить, что на этом израненном полуострове выживали люди, советские солдаты, и не только выживали — сражались, как герои. Ханко стал мощной крепостью, преграждавшей вражеским кораблям путь в Финский залив и дальше, к Ленинграду.

20 километров в длину, 7 — в ширину. И каждый квадратный метр под обстрелом. Шесть месяцев. Тут, на Ханко, все основные сооружения — казармы, штаб, переходы — под землей. Немного можно назвать укреплений, где жизнь людей и успех дела настолько зависели бы от работы военных инженеров. Все подземные сооружения на Ханко были построены саперными подразделениями, которыми командовал воентехник первого ранга Аветис Минаевич Ананян.

Звание героя присваивают людям, присваивают городам. Но если бы вручали орден Ленина и Золотую Звезду поколениям, первыми получили бы, наверно, те, кто в двадцатых — сороковых стали рабочими, хлеборобами, воинами...

С преддипломной практики Ананян писал заявление — добровольцем на Халхин-Гол... Молодого инженера направили в Ленинград. Охта — есть такое местечко под городом. Для воентехника Ананяна отсюда и начался Гангут. Многие страницы Великой Отечественной войны начинались в Охте. На обширном полигоне испытывались оборонительные сооружения. Их создавала группа инженеров, в которую вошел Ананян. Детища их проходили испытания жестокие. Любовью обстрел новых дотов был таким сильным, что если малейшая слабинка оказывалась в сооружении, все живое внутри погибало. В Охте и родился в 1938 году знаменитый дот номер 10 — в таком под самыми стенами Ленинграда горстка советских солдат в окружении тысяч гитлеровцев

Аветис Минаевич участвовал в проектировании дота номер 10. Охта стала для воина Ананяна школой. Финская кампания — первым серьезным экзаменом. Белофинны взрывали и взрывали мосты. Военные инженеры, саперы их отстраивали. Из Ленинграда шли металлические конструкции, готовые пролеты. Часто Ананян отправлялся в разведку с не совсем обычной целью: обмерить еще не взорванное сооружение. И случилось, белофинны взрывали мост и отходили, а через несколько часов на берегу уже сгружали точные части нового...

А потом — Ханко. Мирная работа строителя в военном исполнении. А последнее уже значит — и под огнем врага. Ночью — проекты. Днем — стройка, не ослабляющая ни на минуту темпов. И все-таки — работа строителя. А так хотелось посчитаться с врагом в поединке, непосредственно. Как это удалось Ананяну, рассказывает его снайперская книжка № 1 — самая первая в Ленинградском военном округе и одна из первых в стране. 163 гитлеровца — вот коэффициент точности глаза и ненависти к захватчикам снайпера Аветиса Ананяна.

...Я держу в руках лист бумаги — это вся его биография. Удивительно — школьник пишет свою биографию на одной странице, и солдат — бывалый, прошедший огонь и воду, — тоже на одной. И если бы не письма от бывших сослуживцев, от гангутцев и других боевых друзей, письма, в которых каждое предложение «А помнишь...» — уже биография, если бы не эти письма — что бы я знал об этом удивительном человеке? Не много.

А помнишь?.. Деревянные мины, которые были на вооружении нашей армии в первые дни войны, быстро сырели в земле, не срабатывали. Одну из самых первых новых мин — из стрелиных орудийных гильз — создал Ананян. 10 тысяч таких мин подготовили в полевых мастерских под его руководством. Снаряды, раз выпущенные по врагу, снова стреляли.

А помнишь?.. Было бездымное горючее, которое обогрело, давало горячую пищу. Помнишь, как работал ты, создавая вместе с другими инженерами это горючее — «уголек», как потом добро нарекли бойцы баллончики со смесью парафина и спирта. Помнишь, был дан приказ: идти к Ленинграду, на помощь городу. Ананяна назначили командиром группы прикрытия. 110 человек этой группы выполнили свою задачу — приняли огонь и отвечали врагу огнем, пока 50 тысяч гангутцев уходили с полуострова незамеченными. А потом — нужно уходить самим, обмануть врага, заставить его поверить — ничто не изменилось в расстановке сил. На патефонных пластинках сделаны клеммы. От них — проводка через реле к рычагам пулеметов. Заводишь патефон — срабатывает реле, пулемет дает очередь. Да разве была для него музыка лучше, чем та, которую слышал, когда гнали машины к морю? А сзади фашистские огневые точки грызались на короткие очереди покинутых дотов... Уходили на тральщике. Пулеметы еще срабатывали...

На Ленинградском фронте — новая дивизия.

«Ты теперь, Ананян, не сапер, не фортификатор. Ты стрелок. Командир батальона».

«Наша дивизия Ханковская, Будем высоко нести это имя».

«Слышали — опять в прорыв гангутцы пошли. Ну, теперь держись, фрицы...».

«Командиру батальона Виктору Ананяну — орден Красной Звезды дали. Идданов сам вручал».

Сейчас среди 20 его орденов и медалей — этот самый дорогой. Росли успехи и списки награжденных. А тогда, 24 декабря 1941 года, списки награжденных были короткими. Да, дорогой орден...

«Где теперь Шалико?» Имя друга вспомнил — свет в глазах какой-то особенный — жив Шалико Гоглидзе. Жив. Только где он теперь? А было это через несколько дней после вручения ордена. Батальон Ананяна получил боевой приказ — взять штурмом три укрепленные огневые рубежа противника. Разминировать проход к огненным позициям врага было поручено взводу саперов Шалико. Разминирование проводили под огнем врага. Шалико оторвало ногу. Продолжал руководить операцией до конца. Приполз на командный пункт. Успел доложить одним словом — «Выполнено!».

Два месяца бредовых ночей госпиталя Ананян, тяжело раненный в этом же бою, уходил от смерти, опираясь и на мужество своего боевого друга Шалико Гоглидзе.

Много еще военных дорог прошел Ананян. Снова командовал саперами, навсегда извлекал из сохнувшей по плугу земле и немецкие мины, и наши. Смерть еще не раз была близка от него и не успела. Наступил самый счастливый для каждого советского человека день — Победы.

Прочитаны письма и уходят от меня в прошлое. Поговорили мы обо всем с Аветисом Минаевичем — и это тоже уже прошлое. Я дописываю свой очерк и вдруг чувствую, что стало моим настоящим: в памяти встает его улыбка — такая хорошая. Улыбка, что трудно дается человеку, которого не баловала привалами жизнь. А он улыбается: — «Знаете, первая моя стройка после войны — что? Не угадаете — контрастнее не придумаешь! Восстановление театра оперы и балета имени Кирова в Ленинграде. Представляете, как это мне было тогда — театр, музыка...».

Он и сейчас — инженер, строитель. Строит мирные дома — в Ереване. Пришло время настоящего воспоминать, что закончил он архитектурный факультет Ереванского политехнического института.

Пришло время вспоминать.

А. ФРИМЕРМАН.